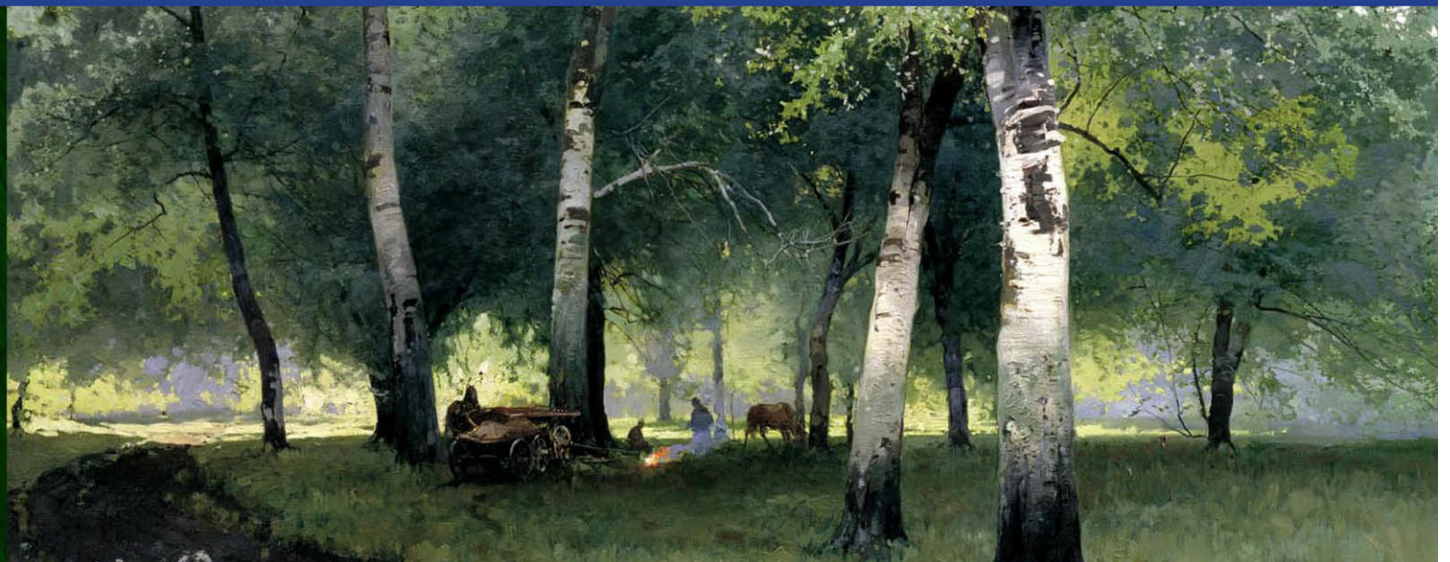

Василь Быков

**Утро вечера
мудренее**

ФТМ

Василий БЫКОВ

Утро вечера мудренее

«ФТМ»

1966

Быков В. В.

Утро вечера мудренее / В. В. Быков — «ФТМ», 1966

«Он лежит на скамье в простенке между двумя окнами с безжизненным восковым лицом, на котором уже ни движения, ни мысли, лишь подобие какой-то неопределенной тупой гримасы, делающей его лицо незнакомым и странным. Омертвевшие в своей неподвижности, его руки сложены кистями на животе поверх неподпоясанной суконной гимнастерки с двумя эмалевыми шпалами в полевых петлицах. Ордена с гимнастерки уже свинчены, и над карманами остались лишь две небольшие дырочки, тронутые по краям ржавчиной, которая издали кажется следами крови. Слегка раздвинутые ноги в аккуратно натянутых шерстяных носках выглядят не по-мужски маленькими и худыми...»

© Быков В. В., 1966

© ФТМ, 1966

Содержание

1	5
2	7
Конец ознакомительного фрагмента.	8

Василь Быков

Утро вечера мудренее

1

Он лежит на скамье в простенке между двумя окнами с безжизненным восковым лицом, на котором уже ни движения, ни мысли, лишь подобие какой-то неопределенной тупой гримасы, делающей его лицо незнакомым и странным. Омертвевшие в своей неподвижности, его руки сложены кистями на животе поверх неподпоясанной суконной гимнастерки с двумя эмалевыми шпалами в полевых петлицах. Ордена с гимнастерки уже свинчены, и над карманами остались лишь две небольшие дырочки, тронутые по краям ржавчиной, которая издали кажется следами крови. Слегка раздвинутые ноги в аккуратно натянутых шерстяных носках выглядят не по-мужски маленькими и худыми.

– Ну, посмотрел? – поворачивается ко мне старшина комендантского взвода, тем давая понять, что нам пора уходить.

Насунув на голову шапку, я осторожно, чтобы не нарушить тишины этой хаты, открываю дверь. Закрывать ее с моей раненой, подвешенной на груди рукой не очень удобно, и старшина закрывает дверь сам.

На дворе морозно и солнечно. Над леском за деревней валит в небо сизый дым от пожара, где-то погрохатывают разрывы мин; забравшись высоко в небо, нудно гудит немецкий разведчик-рама. Но это все там, в стороне передовой за лесом, здесь же, в полуразрушенной фронтовой деревушке свои дела и свои заботы. На улице с какой-то укрытой брезентом поклажей стоят несколько повозок, и обозники в поисках пристанища, переговариваясь, бегают по дворам. В этот двор они только заглядывают через ограду и, ничего не спросив, бегут прочь. Здесь делать им нечего. Впрочем, меня тут тоже ничего уже не держит, но я еще не решил, куда идти дальше и, остановившись, отчужденно наблюдаю, как два бойца из комендантского взвода на снегу у сарая сколачивают гроб. Бойцы молодые и, видно, впервые взялись за такое не очень привычное даже на войне дело, которое у них явно не ладится.

– Да держи ты! Безрукий, что ли! – один солдат нервно пинает короткий обрезок доски, в который он намеревается забить гвоздь.

– Держу! Не ори, крикун!

Гвозди, конечно, из проволоки, они гнутся под молотком и не лезут в твердое сучковатое дерево. «Крикун», стоя на коленях, кое-как приколачивает доску и, отложив молоток, озабоченно осматривает свою работу.

– Ну вот! А ширины такой хватит?

– Примерить бы надо, – говорит напарник, белобрысый и синеглазый, в шапке с растопыренными наушниками, с которых свисают жеванные тесемки завязок. Однако идти в избу, где лежит убитый, никому из них, видно, не хочется, и «крикун» машет рукой. Поднявшись на ноги и скинув с себя телогрейку, он неловко вытягивается в недоделанном, без одной стенки гробу.

– Ну-ка гляди. Хорошо?

– Хорош. Будто широковат даже.

– А ты померь. Зачем лишнее?

Светлоглазый деловито отмечает на торце место для боковых досок, а я уже не могу тут оставаться. Мне все время хочется куда-то идти. Конечно, надо добираться в санбат, но машины будут еще не скоро: только что отправили тяжелых, а легкораненым, видно, придется ждать до обеда.

Не находя, чем занять себя и чтобы как-нибудь скоротать время, я медленно бреду по деревенской улице к школе, где роют могилу. Мне одиноко и горестно, очень болит рука. После бессонной ночи временами познабливает, и в глазах неотвязно мельтешат обрывки вчерашних событий, звучат голоса людей, которых уже нет и никогда больше не будет.

Да, вчера все было иначе...

2

На исходе дня взвод автоматчиков занял хутор.

Занял легко, с ходу, почти без боя; несколько немцев, кажется, ни разу не выстрелив, убежали по санной дороге в село, и мы, постреляв им вдогонку, разошлись в цепь и легли на снегу за изгородью – в пятидесяти шагах от хаты с сараями.

Мы не стали наступать дальше, так как и без того, похоже, оторвались от боевых порядков полка, бой – слышно было – шел справа и сзади, где на высотках дрались наши батальоны. Тяжелые мины, с визгом проносясь над головами, перепахивали там снежное поло, иногда слышалось ослабленное расстоянием, разрозненное, какое-то неуверенное «ура», пулеметно-ружейная трескотня заглушала его, и крики совсем пропадали. Не надо было обладать большим опытом, чтобы понять, какой ценой доставались полку высоты. Нам же тут, под носом у немцев, как это ни странно, было спокойно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.